

Владимир Клавихо-Телепнев:

«Я ощущаю себя человеком в состоянии войны»

Современную художественную фотографию трудно себе представить без работ Владимира Клавихо-Телепнева. Более десяти лет он делал фоторепортажи о России для различных европейских изданий. В середине 1990-х начал работать в рекламной индустрии и стремительно сделал себе имя, став одним из самых ярких и самобытных фэшн-фотографов современной России. Теперь Владимир – свободный художник: издает собственные фотоальбомы, читает университетские курсы, разрабатывает новые проекты. Обладатель бесчисленных наград. Придумал свой фирменный стиль – руинизацию: монохромную фотопечать с искусственным «состариванием» снимков.

– В последний раз вы общались с нашими читателями лет шесть назад – можно сказать, на заре эры цифровой фотографии. Хотелось бы поговорить о том, что за это время изменилось существенно, а что осталось на прежнем уровне.

– У меня есть ощущение, что технический уровень любителей стал намного выше. Это заметно. Раньше людей, которые разбирались бы в цифровой фотографии, можно было по пальцам перечесть. Сейчас их стало очень много, но почему-то пропорционально уменьшилось количество настоящих художников, которые применяют всю эту цифровую технику, как искусство. Но я думаю, это временное явление.

– Если говорить о спросе на арт-фотографию – как развивается

российский рынок? А как западный? Может быть, они как-то связаны?

– Развитие немножко притормозилось с приходом кризиса, но в России это замедление ощущается меньше. Спрос на художественную фотографию остался таким же; может быть, только сегмент совсем простой фотографии плавно исчезает. Ведь популярность фотографии высока, и какие-то элементарные вещи уже могут делать практически все. Западный рынок отказался от возможности открытия новых имен и сконцентрировался на мастерах фотографии с уже известной, проверенной творческой биографией и финансовой историей продаж.

– Есть мнение, что пока арт-фотограф не получит признания на Западе, он остается незамеченным в России.

– Думаю, это не так. Можно привести достаточное количество примеров, когда художники становились популярны только у себя в стране, правильный пиар помог им создавать гигантские очереди на свои выставки, при этом художественной и музейной средой эти работы игнорировались как синонимы безвкусицы и пошлости: не были они интересны и на Западе. Так было всегда и, видимо, еще долго будет: это зависит от уровня культуры в стране. Надо признать, что фотография, наверное, один из немногих видов искусства, который увлечены сейчас почти в каждой семье. Каждый считает себя большим экспертом. Прошли времена очередей на выставки Рождественской, подобные вещи де-

Все-таки я был
заточен на творчество,
профессия перешла
ко мне по наследству.

ют в любом провинциальном фотоателье. Многочисленные фотовыставки помогают увидеть разницу и понять, что же такое на самом деле искусство фотографии.

Получить признание на Родине и подтвердить его за ее пределами – это и есть признак профессионализма автора.

О художнике говорят работы, которые попадают в музеи. Это очень сложно – можно сколько угодно дарить музею свои произведения, умолять, но музей их просто не возьмет. Если работы попадают в музей или на известный аукцион, то это всегда является неким автономным критерием отбора и безусловным признанием автора. Я за такие критерии.

– Вы продолжаете снимать на пленку?

– Наверное, год, как перестал. Но у меня и здесь, в студии, лежит пленка.

и дома целый холодильник... Думаю, все же не надо бросать ее.

— Поскольку вы в основном делаете монохромные работы, у вас наверняка была возможность испытать новый черно-белый задник Phase One.

— Понимаю, о чем речь — читал о нем, знаю технические характеристики. Но я все-таки снимаю в цвете. Когда-то один мой

знакомый говорил: «Ты не понимаешь, что черно-белая пленка может очень многое, у нее есть свои нюансы...». Но когда он увидел, что я делаю с цветным изображением потом, насколько больше у меня получается вариантов черно-белых изображений, он сомнения свои оставил и понял, что мои возможности гораздо богаче. Так что подобная техника — конечно, хороший, но уже не востребованный мною элемент.

— То есть вы снимаете на обычную среднеформатную камеру?

— Я снимаю на Phase One с 180-м задником и на Mamiya RZ.

— В чем вы находите источники вдохновения?

— Профессионалы всегда знают, как привести себя в состояние вдохновения. Некоторые пользуются психотропными

средствами, ведут своеобразный образ жизни... Меня жизнь все время удивляет, и я все время с чем-то борюсь. А если я смотрю на вещи спокойно, то начинаю нервничать. Или это значит, что я болен.

Всегда должна быть какая-то борьба. Я ощущаю себя человеком в состоянии войны. То, что происходит сейчас в современном искусстве и в фотографии, — это некая сдача плацдарма. Мы отказываемся от сложных вещей в угоду примитивным и ничего не значащим и называем вот это искусством. Так вот, я эти плацдармы сдавать не собираюсь!

**Я сам закладываю
в изображение
много ассоциаций
с литературой
и живописью,
которые понятны
людям
образованным.**

— Насколько влияет на художника заложенная в генах тяга к прекрасному?

— Мы с братом родились в доме художников на Верхней Масловке, выросли в квартире моего деда — Владимира Ивановича Телешнева. Он учился вместе с Урушевским в Академии художеств, а потом у Фаворского во Вхутемасе; бабушка — Данилова Маргарита Николаевна — училась у Грабаря и Вакидина (это тоже Вхутемас, потом он стал называться Полиграфическим институтом). Мой дед со стороны отца был фотографом (Эдмундо Клавихо Кубильос, известный колумбийский фотограф и художник. — *Прим. ред.*), я его никогда не видел. В итоге я стал фотографом, а мой брат художником.

— Как и когда у вас появилась первая камера?

— Думаю, отец неосознанно хотел, чтобы я занимался фотографией, ведь все свое детство он провел в фотостудии и лаборатории моего деда. Родители подарили мне первую камеру, совсем простую — по-моему, «Смену». Я фотографом быть не собирался. В институте у нас даже был предмет «Фотография» — так я его почти не посещал. Преподавательница игнорировала студентов, считала, что они какие-то недоразвитые, ну а я игнорировал преподавательницу. Мы друг друга не нашли. Но какие-то вещи, наверное, проявляются, как краска через промокашку, и влияют на всю дальнейшую жизнь. Вот и результат — я занимаюсь фотографией.

– То есть никаких кружков в детстве не посещали?

– Нет. Сначала я хотел быть биологом, потом художником. Я и сейчас считаю себя художником, взявшим в руки фотоаппарат.

– Какова, на ваш взгляд, роль образования в работе фотографа?

– Когда-то у меня была своя школа, и я преподавал в ней фотографию. Еще я взял преподавателя по истории искусств, по истории фотографии, по композиции, и получилась такая связка. И она отлично работала. Ко мне попадали не только любители, которые хотели научиться хорошо снимать, но и профессионалы – в модной, в рекламной съемке. Когда я давал им эту базу, они двигались как по маслу, с такой скоростью, что их надо было ловить.

– Почему на рубеже веков вы приняли решение отойти от коммерческой фотографии?

– Все-таки я был заточен на творчество, профессия перешла ко мне по наследству.

Работая репортером в горячих точках или делая модную фотографию для глянцевого журнала, я старался заниматься искусством. Но мой подход оказался невостребованным, и я бежал. Стал делать только

Когда у меня появляется некая идея, я ее реализую в фотографии, она доходит до людей, тянет их в другое, неведомое пространство.

то, что мне нравится, и сужу себя очень строго, поверьте мне.

– Сегодня вы снимаете портреты для заказчиков или делаете только собственные проекты?

– Я всегда снимаю собственные проекты. Почему-то слова Стива Джобса о том, что в жизни надо делать то, что ты любишь, оказались для людей таким откровением! Как будто они раньше этого не знали! Я все время делаю то, что люблю, и знаю, что жизнь – она не такая уж длинная.

– Что вы можете посоветовать начинающим арт-фотографам – тем, кто не может заниматься салонной фотографией: свадебной, семейной, рекламной?

– Нужно, чтобы всегда была какая-то собственная идея, чтобы вы отличались от своих коллег. Студентам я говорю: представьте, что в соседней аудитории сидит точно такой же человек, как вы. Вы что-то придумали, и он сразу придумал то же самое. Поэтому вам надо создать что-то еще более интересное, чтобы он не смог вас догнать! Это гонка наперегонки с самим собой, а потом с реальным противником и даже с целой системой – она, на мой взгляд, очень интересна.

– То есть вы никогда не мыслили одинокими картинами?

– Никогда. Я все время считал, что фотография – это как будто бы часть раскладовки. Как у Рустама Хамдамова: «кадр несуществующего кино». Я даже решил в этом году попробовать снять видео. Получится или нет – не знаю, покажу только знакомым.

– Как долго может длиться творческий проект?

– Всю жизнь может длиться! Проект «Алиса в стране чудес» продолжался почти десять лет. Библейский проект – он просто очень сложный технически, поэтому тоже стал долгим. У фотографа должна быть очень серьезная команда. Когда к нам приезжают фотографы уровня Эни Лейбовиц, они рассказывают, как на них работает целый коллектив. Как при съемке кино. Мы тоже потихоньку к этому идем.

– Но Россия пока отстает. У нас фотограф – и продавец, и продюсер, и сам себе ассистент...

– Отчасти в этом виноваты журналы, особенно западного образца. Когда приезжают западные фотографы, им представляется полный комплект всего, что

они захотят. Русским фотографам такое не предлагают, даже тем, кто находится на очень приличном уровне.

– А кто, на ваш взгляд, находится на хорошем уровне в современной России?

– Недавно я фотографировал одну девушку. Ее муж, Стас Пилюшев, тоже оказался фотографом.

Мне очень понравился его работы, хвалю его теперь везде. Серьезный журнальный фотограф, в моей молодости таких не было. Что меня немножко

Используется зеркало, потерявшее эмульсию. Зритель одновременно видит и зеркало с отражающимся в нем окружением, и нанесенное изображение.

Русские люди все-таки держат марку, и никакие обстоятельства – советские времена или сегодняшний гиперкапитализм – не сбивают их с собственного направления в искусстве.

расстраивает — не видно, что он русский человек. Я сам закладываю в изображение много ассоциаций с литературой, живописью и так далее, которые понятны людям образованным. Но в модной фотографии это показать сложно: такие же картинки могут быть сделаны и в Голландии, и в Англии — нет привязки к нации. Хотя, если смотреть западные журналы, то можно отличить работы датчан от работ американцев, немцев, итальянцев. Русские же пока только учатся, поэтому они понемногу похожи на всех. Но в целом мне нравятся русские люди: они все-таки держат марку, и никакие обстоятельства — советские времена или сегодняшний гиперкапитализм — не сбивают их с собственного направления в искусстве. Что бы ни случилось, они продолжают делать свое дело. Их мало выставляют, но они все равно создают свои шедевры. Из русских фотографов такой — Саша Самойлов (учитель фотографа Викторова).

— Кто вам нравится из западных фотографов? Вы упомянули Энни Лейбовиц...

— Лейбовиц я не люблю, считаю ее художественно очень слабым фотографом. Зрители в основном смотрят на людей, которых она снимает, и на шоу, которое она устраивает из съемок.

Есть более серьезные люди. Для меня это в первую очередь Уиткин. Вообще их много, и у каждого своя тема.

— Какова роль выставок в вашей работе? Цель выставки — только пиар или прямые продажи тоже? Есть ли разница между выставками в России и на Западе?

— Я не люблю выставки и практически не делаю их. К пиару сейчас они никакого отношения не имеют (выставку саму нужно пиарить!) и к продажам тоже. Выставки, которые у меня были, организовывали другие люди. Думаю, что это устаревшая, мертвая форма. Показ работ в Интернете намного интереснее и оправданнее. Недавно я выложил одну картинку на Фейсбуке, и ее в течение 20 минут посмотрело 400 человек. Ну когда я вот так, с легу, соберу на выставке 400 человек? Формат выставок должен меняться и переходить в разряд шоу. Например, выставка картин в вагонах метро — это прекрасная форма. Можно упомянуть проецирование изображений на здания. Подобные формы привлекают внимание своей необычностью. А все остальное люди все-таки черпают из Интернета.

Однако некоторые работы действительно лучше посмотреть вживую. Особенно это касается сложных техник, в частности, той, которую я сейчас использую, — в ней никто в мире больше не работает. Ее очень сложно показать через полиграфию или Интернет, практически невозможно.

— Как можно описать эту технику?

— Используется зеркало, потерявшее эмульсию. Зритель одновременно видит и зеркало с отражающимся в нем окружением, и нанесенное изображение. Поверхность надо сделать полужеркальной. Это я делаю вруч-

— Можете ли вы вспомнить какой-нибудь интересный случай из съемочной жизни?

— Однажды я должен был снимать одну известную актрису, Елену Кореневу. Портретная фотография — это в некотором роде доверительный диалог: ты

Когда-то давно, когда я только начинал, меня интересовали многие нюансы фотографии, но никто не мог помочь, не отвечал на вопросы.

должен быть с человеком на одной волне, все время с ним говорить, не молчать, ограничиваясь указаниями «повернитесь влево», «повернитесь вправо».

И вот после часа разговора, когда мы вышли на уровень хорошего диалога, она вдруг сказала: «Давай я не буду сниматься». Я говорю: «Давай». Мы поняли друг друга. И в самом деле: собеседник раскрывается в разговоре, а ты вдруг ставишь между собой и ним фотокамеру, снимаешь это его состояние, а потом всем его показываешь, тиражируешь — есть в этом какая-то подлость. И ты чувствуешь неловкость, как будто рассказал всем то, что тебе доверили по секрету.

— Мы говорили об образовании. Вы сейчас преподаете?

— Да, в разных местах. Лет десять преподавал на факультете журналистики МГУ. Читаю лекции, где могу.

— Какова основная цель преподавательской деятельности — лично для вас?

— Когда-то давно, когда я только начинал, меня интересовали многие нюансы фотографии, но никто не мог помочь, не отвечал на вопросы. Я это хорошо запомнил. Некоторые знакомые фотографы отвечали, что мне этого знать не надо, мягко «били» по рукам.

Есть люди, которые по-настоящему интересуются фотографией. Все, что могу, я хочу им рассказать. Лекции у меня неподготовленные, без заготовок — импровизации. Я закидываю свои идеи студентам, одновременно проговариваю их самому себе, начинаю искать решения... Мне это интересно. Студенты — это такая гигантская и при этом реальная фокус-группа, она может сама что-то делать руками. Или мозгами.

— Есть ли у вас частные ученики?

— Всегда кто-то есть. Учатся, развиваются. Я легкий человек, и, возможно, есть впечатление, что все, что я делаю, создается легко и быстро. Они в это дело ввязываются, начинают заниматься фотографией, еще, не дай бог, бросают свои профессии... а вот достичь этой легкости, гладкости им удастся не всегда. Меня это немного путает. Не хочется сбивать людей с толку. Стараясь донести, насколько все непросто.

должен быть с человеком на одной волне, все время с ним говорить, не молчать, ограничиваясь указаниями «повернитесь влево», «повернитесь вправо».

И вот после часа разговора, когда мы вышли на уровень хорошего диалога, она вдруг сказала: «Давай я не буду сниматься». Я говорю: «Давай». Мы поняли друг друга. И в самом деле: собеседник раскрывается в разговоре, а ты вдруг ставишь между собой и ним фотокамеру, снимаешь это его состояние, а потом всем его показываешь, тиражируешь — есть в этом какая-то подлость. И ты чувствуешь неловкость, как будто рассказал всем то, что тебе доверили по секрету.

Портрет — это вещь очень деликатная, сложная и даже интимная.

— Вы можете сформулировать, что для вас фотография?

— Я считаю, что фотография — это сложный язык. Это язык ассоциаций, язык истории, язык фантазии, язык перемещения. Когда у меня появляется некая идея, я ее реализую в фотографии, она доходит до людей, тянет их в другое, неведомое пространство. Чем сложнее произведение искусства, тем больше вариантов расшифровки.

— Может быть, вы сможете присоединиться к нам в следующем году на фестивале «День фотографа»? Как вы знаете, он призван объединить фотообщество, показать значимость работы фотографа. К тому же, мы верим, что в ближайшем будущем у фотографов будет свой официальный профессиональный праздник, и работаем над этим.

— Очень благородная идея! Она давно витает в воздухе. И я ее полностью поддерживаю. Все мои взрослые коллеги фотографы мечтают о некоем объединении. С другой стороны, союз творческих людей — это страшное дело. Художники — люди тяжелые. Так что одного дня в году будет как раз достаточно! ■